

Определившись с постоем и выбрав отдельное подворье, лавочник Ху вернулся в уезд Пинцин, а братьев Ху с торговым караваном оставил в уезде Шаоюань.

Ху Чжэн сразу разделил людей на две группы: одни принялись приводить в порядок жилые комнаты и разгружать дорожные сундуки, другие же отправились пристраивать товар.

В этом и крылось главное удобство отдельного подворья — на его территории располагались вместительные склады и караульные помещения, что позволяло без труда охранять добро по ночам.

Управляющий Лу вел их к складам, по пути давая пояснения:

— В Линнани круглый год льют дожди, отчего земля постоянно сырая. Для удобства мы проложили здесь колею — так повозкам легче подкатывать к месту разгрузки. Конюшни обустроены позади. Когда соберетесь в путь, сможете развернуть телеги прямо там и выехать по путям на передний двор.

«Колея? Что за диковина?»

Ху Чэнь из чистого любопытства увязался за ними. Внешнее устройство «Павильона Пьяной Зари» и без того казалось невероятно оригинальным — даже в столице подобные затеи встречались нечасто. Пожалуй, по части утонченной роскоши заведение не могло тягаться с лучшими домами Поднебесной, но если бы кто-то вздумал поспорить, что здешний архитектор уступает кому-либо в изобретательности, юноша решительно бы возразил.

Погонщики направили груженные телеги вслед за Лу Юем, осторожно пустив лошадей по уложенным на землю деревянным брусам.

Ху Чжэн шел вдоль настила. Пройдя сквозь лунные ворота и обогнув поворот, он замер у боковых ворот склада. Оказалось, здание имело двухъярусную конструкцию, причем мастера ухитрились выстроить вдоль внешней стены крытую галерею, предназначенную исключительно для прокладки верхних путей!

Лу Юй шагнул вперед и распахнул тяжелые створки.

— Проводник Ху, как пожелаете поднимать товар? Обычными ручными тележками или задействуем подъемный ворот?

— И в чем же разница? — не утерпел Ху Чэнь. — Как это — тележками, и как — воротом?

Ху Чжэн торопить управляющего не стал, молча ожидая пояснений. Ему все равно предстояло вести долгие переговоры с уездным судьей Цзяном о закупке плугов для заливных полей. Караван устроился здесь на добрых три месяца, спешить им было абсолютно некуда.

Лу Юй распахнул створки пошире и затеплил настенные фонари. В сумерках склада разлилось мягкое янтарное сияние.

Приглядевшись, купцы так и замерли: под потолком высилась сложная, громоздкая система из бревен и толстых пеньковых канатов. Справа, прямо у входа, на полу покоились широкие плоские платформы, напоминающие прилавки, но к углам каждой из них тянулись четыре туго натянутые веревки. От обилия блоков и снастей рябило в глазах.

Среди повисшего молчания отчетливо разнесся мерный деревянный перестук. Ху Чжэн скользнул взглядом по тележке, которую катил перед собой Лу Юй, и оглянулся на улицу — колеса этой повозки были подогнаны точь-в-точь под уложенные на земле брусья.

— Коли груз неподъемный, лучше класть его на платформу и поднимать воротом — так спины побережете, — Лу Юй указал на пол. — А если у вас тонкие шелка или хрупкий фарфор, грузите на тележки, они ходят плавно, без тряски. Пол на складе залит цементом: это и от огня защита, и поверхность гладкая, ни единого зазора или трещины. Можете сами испробовать, коли есть желание.

Ху Чжэн испытывать пол не стал, а лишь покачал головой:

— Мы товар с телег сгружать не станем. Лошадям нужен роздых, так что нам бы просто повозки пристроить под навес.

Оглядевшись, он понял, что здешнее хранилище строилось с расчетом на полное разделение упряжек и клади, что шло вразрез с заведенными в его караване порядками.

Лу Юй на мгновение замялся, но быстро нашелся и повел купцов за угол здания, где распахнул задние ворота:

— Проводник Ху, а коли так? Внутренний двор, где установлены подъемники, запирается на крепкие засовы. Ставьте свои повозки как душе угодно, никто чужой не сунется.

Ху Чжэн молча кивнул, однако про себя продолжал гадать: что за игру ведет этот уездный судья Цзян?

Какое бы влияние ни имела семья Ху в столице, сам он, возглавив караван, раз и навсегда перешел в купеческое сословие. Путь к сдаче государственных экзаменов для него был заказан, а прежние скромные успехи на ученом поприще превратились в ничто — государственная машина не знала снисхождения к ренегатам. Для любого чиновника он оставался простым простолюдином, обязанным при встрече падать ниц. Многие префекты и судьи презирали его за то, что он променял благородное будущее государева мужа на презренную торговлю.

Тот же судья соседнего уезда Пинцин, Фан Пин, хоть и кривил почтительную мину перед величием дома Ху, в каждом слове и жесте сквозил высокомерием. В глазах здешней бюрократии Ху Чжэн оставался дельцом, а Линнань — глухой провинцией, где чины за мелкую мзду могли сквозь пальцы смотреть на купеческие шалости. Зачем же местному уездному судье так усердствовать?

Ху Чэнь тоже смутно чувствовал подвох, но в силу юности понимал лишь очевидную выгоду да прямые угрозы. Тонкие придворные козни, когда за медовыми речами скрывается острая сталь, были ему пока не по зубам.

В Шаоюане же уездные власти повели себя из рук вон странно: сперва освободили гостей от платы за жилье, а теперь еще и скостили пятую часть расходов на еду.

С тех пор как караван переступил городскую черту, Ху Чжэн пребывал настороже. Упущенную выгоду ушлый чиновник всегда вернет сторицей, так что же замышляет этот Цзян Умянь? Неужто надеется впутать дом Ху в столичные распри, дабы расчистить себе дорогу назад, в палаты Министерства чинов?

Первое — чистой воды безумие, а вот второе, если грамотно разыграть карту с новыми плугами, выглядело вполне осуществимым планом.

Однако Клан Хань дремать не станет — эти коршуны мигом воспользуются предложением, чтобы втянуть род Ху в грязные дразги. Допустить подобного он не мог.

Как бы то ни было, гадать на кофейной гуще бессмысленно, пока он сам не потолкует с уездным судьей.

Когда телеги наконец загнали под навесы, уходившиеся за день люди повалились с ног от усталости и принялись донимать Лу Юя расспросами об ужине.

Управляющий Лу понимающе кивнул. Но вместо того чтобы зачитывать меню со скучных деревянных табличек, как это делали в обычных харчевнях, он с гордостью выложил на стол пять изящных тетрадей.

— Вот здесь у нас холодные закуски, в этих двух — горячие яства, мясные и постные по отдельности. Тут записаны сладости да освежающие настои, а здесь — сытные блюда. Наш павильон открылся без году неделя, так что пока набралось лишь несколько скромных списков.

Одного взгляда на страницы хватало, чтобы признать руку того самого живописца, что расписывал стены заведения. Рисунки отличались смелым, почти бунтарским сочетанием красок и удивительной живостью образов — истинно творение незаурядного мастера.

Купцы торопились, да и проголодались изрядно, поэтому Ху Чжэн выбрал лишь пару сытных

мясных блюд, положившись во всем остальном на вкус трактирщика.

И пока в зале гостей развлекал один Лу Юй, за закрытыми дверями кухни работа кипела вовсю. Там шумело пламя, шипело раскаленное масло, стучали тяжелые ножи, пластуя рыбу, летели щепки от сухих дров. Почти две трети здешних поваров судья Цзян набрал из бывших строителей, прославивших умельцами на все руки, а остальных нашел среди местных жителей. От степенного мастера, уверенно державшего тяжелый вок, до расторопного мальчишки-нарезчика — каждый прошел строгую школу уездного судьи.

Потому и первые блюда не заставили себя долго ждать.

Едва гости успели рассестись, как им подали по пиале горячего навару, чтобы согреть желудок с дороги — порции были крошечными, лишь разжечь аппетит. И стоило отставить пустую посуду, как столы начали ломиться от яств, причем едва ли не каждое блюдо было приготовлено из даров моря!

Заметив недоумение на лицах приезжих, вперед выступил один из поваров, помогавший разносчикам. В отличие от простоватого кузнеца Чэнь Эрчжу, этот говорил складно и с достоинством:

— Сии кушанья приготовлены из сезонного улова по особым предписаниям нашего уездного судьи. Хитрость в том, чтобы убрать природную тинную вонь, но сохранить и приумножить нежный вкус. Милости просим отведать, дорогие гости.

Большинство блюд сохранили свой первозданный облик, но их аромат и краски казались совершенно невиданными.

Ближе всего к Ху Чжэну поставили блюдо с розовато-белыми креветками Лунцзин, тушенными с молодыми чайными листьями. Они манили прозрачной чистотой и едва уловимым, свежим благоуханием. Зато соседнее кушанье — зажаренная целиком рыба в густом, глянцево-красно-буром соусе — источало столь сильный, дразнящий аромат, что у всех присутствующих мгновенно разыгрался аппетит. Рука сама тянулась за палочками, чтобы положить лакомый кусочек поверх дымящегося риса.

Пользуясь покровительством влиятельного рода, Ху Чжэн в столичных домах вкушал немало диковинных яств, да и сам он за годы странствий набрался опыта. Доводилось ему сидеть у горячих источников под открытым небом, вкушая мясо, зажаренное на раскаленных каменных плитах, а в ледяных просторах северных рубежей — пробовать похлебку из диких кореньев, сваренную на талой воде. Словом, удивить его было трудно.

Однако подобных изысков Ху Чжэн еще не встречал. Запахи, исходившие от блюд, не были удушливо-пряными или, напротив, излишне тонкими — они просто будили непреодолимое желание поскорее набить брюхо.

Ху Чэнь преданно глядел на старшего брата, ожидая, когда тот сделает первый шаг. Но Ху Чжэн медлил, пристально разглядывая незнакомое кушанье. Насыщенный темный цвет соуса и непривычные нотки в аромате заставляли его проявить осторожность.

Повар уже собирался прийти на выручку и рассказать о секретах кухни, когда купец решительно занес палочки над рыбой.

Стоило первому куску оказаться во рту, как непривычное к подобным изыскам небо обожгло странным ощущением. Однако, распробовав как следует, Ху Чжэн замер: сладость тростникового сахара и бодрящая кислинка уксуса слились в безупречный союз, бережно окутывая нежнейшую мякоть.

Тончайшая корочка из кляра, зажаренная до золотистого хруста, лопалась на зубах, выпуская наружу целый вихрь вкусов — ароматную сытость масла, кисло-сладкую негу соуса и сочную мякоть рыбы. Послевкусие кружило голову.

В этом вкусе можно было различить едва заметную нотку выдержанного шаосинского вина и тонкую остроту имбиря, начисто перебивавшую речную вонь.

Столь богатая гамма заставила Ху Чжэна без промедления потянуться за добавкой. Подобного кулинарного чуда он не видывал даже в самых изысканных столичных палатах.

В нынешние времена повара Великой Чжоу уже вовсю освоили искусство быстрой обжарки на сильном огне и толк в специях знали, но рецепты судьи Цзяна превосходили любые ожидания. К тому же рыба в кисло-сладком соусе, щедро сдобренная маслом и сахаром, разжигала голод столь сильно, что вскоре тарелка с креветками опустела полностью, а от рыбы осталась едва ли половина.

Посуду переменили еще дважды, прежде чем трапеза подошла к концу. Напоследок подали традиционное угощение. По задумке Цзян Умяня, гостям следовало поднести местный травяной взвар, дабы унять жар от обильной пищи, однако чужеземцы редко жалуют горьковатую линнаньскую микстуру. Посему на столах появились глубокие чаши с прозрачным бульоном и нежными рыбными шариками — ровно по паре штук в каждой порции, без излишков.

На этот раз к столу пожаловал сам старший повар. Слог у него был куда изящнее, да и сытые гости благодушно внимали его рассказам.

— Достопочтенные господа наверняка хаживали по южным землям и пробовали цзяннаньские рыбные шарики, — начал он певучим голосом. — В тамошних краях они частенько пахнут речной тиной, отчего поварам приходится сыпать прорву дорогих пряностей. Выходит и накладно, и невкусно. У нас же, в уезде Шаоюань, все иначе: мы берем только свежий улов — проворного озерного карпа да жирную морскую рыбу. В ваших чашах лежат два совершенно разных шарика. Тот, что посветлее — из карпа, возвращенного в заливных рисовых чеках. Он с весны лакомился осыпавшимся цветом риса, оттого и вкус у него сладковатый, нежный.

Второй же катали из морской рыбы, впитавшей соль прибоя, ее и солить-то не надобно. Наше кушанье не просто тешит утробу, оно целебно: прогоняет мокроту, укрепляет желудок и чистит кровь. У нас в Шаоюане каждая хозяйка по-своему эти шарики готовит. Задержитесь подольше — на уездном рынке и не таких чудес отведаете.

Уж неведомо, слова ли мастера так подействовали, или сказалось обилие съеденного, но, вкусив бульона, купцы согласно закивали — кушанье и впрямь вышло отменным.

Даже когда со столов убрали посуду и подали свежий чай, гости не спешили расходиться по покоям. Они шумно обсуждали, какое блюдо заслуживает наивысшей похвалы и что непременно нужно заказать завтра — здешняя стряпня явно вскружила им головы.

Ху Чжэн в общем разговоре участия не принимал. Мысли его занимала загадочная фигура уездного судьи.

Радужный прием у городских ворот, визит Лу Юя на склад с явной целью выведать, что именно скрывается в купеческих тюках, и, наконец, этот роскошный ужин — за каждым шагом здешних хозяев угадывалась твердая рука Цзян Умяня. Чего же он добивается? Какой именно товар из их обоза лишил уездного судью покоя?

Впрочем, ответ нашелся быстро.

На следующее утро, едва караванщики закончили трапезу и успели пригубить местный утренний чай, на пороге показался сам уездный судья.

Ху Чжэн велел младшему брату увести людей готовить товар к продаже на местном рынке, а сам поспешил навстречу гостю.

— Приветствую вас, господин судья Цзян.

— Проводник Ху, — Цзян Умянь не стал тратить время на пустые церемонии и сразу перешел к делу. — Мне стало известно, что ваш караван везет с собой пол-трюма каменного угля. Я готов уступить вам право на продажу плугов для заливных полей в нескольких областях, но взамен вы отдадите мне этот уголь.

Ху Чжэн на миг лишился дара речи, не зная, чему более удивляться — бесцеремонной ли прямоте чиновника или самому его предложению. Однако купеческое чутье мигом взяло верх, ухватившись за странное выражение.

«Право на продажу в нескольких областях?... Что за диковинный зверь?»